

Нарушителей спокойствия в современном книгоиздании не любят. Одно время их было слишком много — сплошные enfant terribles, мастера публикационных скандалов, жители дружного царства Ad Marginem, размахивающие не красными книжечками Мао, но оранжевыми томиками серии «Альтернатива», — в попытках нащупать истоки новой культурной революции. Наних только безумств не скопилось в читательском сознании за последние двадцать лет? Пожалуй, мы удивлялись всему подряд и вдоволь пресытились удивлением.

Ситуация изменилась. Отечественный литпроцесс обернулся глобальным цехом, выплавляющим имя за именем, каждому из которых отводится своя строгая — и более чем конкретизированная — ячейка. Писателей, не умещающихся в отведенные им лакуны, можно пересчитать по пальцам одной руки. В основном это фамилии прежних ниспровергателей канонов, сами превратившиеся в совершенные бренды, тисненные золотом бунвицы.

Сергей Самсонов посреди этой упорядоченной системы выглядит до безобразия своеобразно. Его книги просят скандала — и практически всегда его минуют. Да, определенный резонанс возник с романом «Держаться за землю» (2018) — а как иначе, если писатель берется за столь сложную и неоднозначную тему, как донбасский конфликт? — но прочие романы гула обсуждений избежали, оставшись в тени возрастающих авторских амбиций.

Действительно: Самсонов нарочито ретрограден, стремителен, объемен. Ни один из его романов — за исключением дебютного «Ноги» (2007) — не может похвастаться компактностью, достойной коммерческой оберткой. Это книги, скорбящие о просторных степях прошлого, о мегаломании ушедших эпох. Дни, когда люди запоем глотали пилюли универсальных переживаний — будь то «Отверженные» Виктора Гюго, «Война

и мир» Толстого или «Жан-Кристоф» Ромена Роллана, — отошли в небытие. Мир захотел кратности, летучести, опронинув за борт тех, что не хотели мириться с меняющимися порядками.

Сергею Самсонову нынешняя эпоха, что называется, тесна, неуютна до чесотки. И если первые книги — «Аномалия Намлаева» (2008), «Нислородный предел» (2009), «Проводник электричества» (2011) — говорили о настоящем языке морены, реки, горного кряжа, пытались скрестить нескрещиваемое, выявить актуальную безвременную полифонию, то теперь Самсонов будто бы и не желает окунаться в сумятицу актуальности, отдавая предпочтение известным историческим мифологиям.

Крайним рывком оказался роман «Держаться за землю». Одни нарекли автора новым Шолоховым, другие приняли в штыки ритмизованную, экспериментальную интонацию, показавшуюся им неуместной в эпосе о предельно напряженных событиях настоящего, — так или иначе, роман обрел свою славу и был награжден крупной премией «Ясная Поляна».

Было очевидно, что после такого тяжелого высказывания Самсонову потребуются либо длительная передышка, либо смена тематики. Случилось как раз последнее — Самсонов написал эпос о Гражданской войне в России, решив не умять своих амбиций, а всего лишь переправить их в иное русло.

«Высокая кровь» удивляет по многим причинам. Это и вывернутый наизнанку «истерн», и притча в театрализованных декорациях войны, и попытка высказаться обо всем сразу, сфокусировавшись на генеалогии боли. Многие влияния и впечатления синтезировались в этом масштабном романе — от Нормана Маккарти с его новаторскими авантюрами, шедевра Михаила Шолохова — не упомянуть который в контексте «Высокой крови» попросту невозможно! — до московской трилогии Андрея Белого и «Жизни и судьбы» Гроссмана.

Герои «Высокой крови» лишены самости — это призраки с шолоховских полей, представления о людях той эпохи, но не сами люди. В этом, наверное, Самсонова можно упрекнуть, уличить; и все же — справедливости ради — кто сейчас способен выписать действительный портрет человека, рожденного в глубине исторического прошлого? Сама эпоха давно стала темной сказкой, клубком домыслов, хранящим внутри лишь крупички правды.

Роман причудливой эклектики, «Высокая кровь» чрезвычайно непохож на исторические опусы последних лет. Наверное, по той причине, что Самсонов занят не столько выписыванием человеческих судеб, характеров в контексте войны, сколько безграничным размышлением о самой природе насилия. Текст кажется бессюжетным — хотя, безусловно, в нем наличествуют сражения, дымные ретардации, влюбленности, перекуры, долгие ночные беседы, портреты крупные и малые, — и все потому, что каждая его строка подчинена единому волнообразному размышлению, не прерывающемуся ни на секунду.

Герои «Высокой крови» лишены самости — это призраки с шолоховских полей, представления о людях той эпохи, но не сами люди. В этом, наверное, Самсонова можно упрекнуть, уличить; и все же — справедливости ради — кто сейчас способен выписать действительный портрет человека, рожденного в глубине исторического прошлого? Сама эпоха давно стала темной сказкой, клубком домыслов, хранящим внутри лишь крупички правды. Тысячу раз Гражданская война переосмысливалась художниками, не то что войн не видевшими, но и чуждыми их коллизиям, принципиально не интересующимися истоками страха, животного волнения; что остается нашему современнику, берущемуся за трагическое наследие Гражданской войны? Ему остается идти по следам мифологии.

Случай Самсонова — при всей его близости мифологическому контексту — нельзя назвать типичным. «Высокая кровь» мало заботится о читательской эмпатии и будто бы сознательно не желает нравиться. Громоздкие, вселенского значения диалоги рождаются из уст нарицательных белых — и не менее нарицательных красных; описания, традиционно большие многоцветностью, стремятся объять необъятное и замкнуть собой не только цепь повествования, но и всяческий заложенный в него смысл;

действительно, трудно отыскать среди исторических романов последних лет интонацию столь же вязкую, нипучую, смолистую. Сравнения, уподобленные монолитам, нивелируют друг друга, превращая изначально ясный текст в стихийное крошево. Минус ли это? Проблема ли? Пожалуй, неизбежная часть метода.

Самсонов занимается реконструкцией вековой оптики — ему принципиально важно удалить из текста злонамеренные опухоли актуальности, конкретизации, двусмысленности. «Высокая кровь» — роман об известном периоде отечественной истории. Ни больше ни меньше. Бумажный героизм по Островскому, свисты сабель по Бабелю. Никаких лукавых заигрываний с трагедиями действительности, прописывания курчавых анаграмм, конструирования палимпсестов. История о товарище Леденеве и окружающих его бесчинствах есть опыт воображаемого прошлого, фантазия на революционный лад, в которой трудно не усмотреть черт обыкновенного детского эскапизма.

Притворство самсоновской интонации вполне обоснованно. Весь роман ощущается не гран-гиньолем, в котором разыгрываются реальные судьбы, а лазом в тайное, неизведанное. Если угодно, здешняя реконструкция рассчитана на авантюру, детскую шалость, столь же раскованную, сколь и масштабную. «Высокая кровь» полностью выглядит — воспользуемся формулировкой Алесея Парщикова — «как черный ход из спальни на Луну».

Предупреждая отрывок из романа, опубликованный в мартовском номере «Дружбы народов», Сергей Самсонов сообщает о том, что вся книга создавалась «с решительным намерением сочинителя вернуться в собственное детство». Действительно — отсюда и явственная «ходульность» главных действующих лиц, и акварельные оттенки рассказываемого, и вольный, не обремененный строгой логиной хронотоп. Люди самсоновского эпоса оказываются фигурками на безбрежном шахматном поле, лишенном клеток, — ими двигают сообразно мимолетным желаниям, их наделяют чертами уже известных, отошедших в «сумрак владовой» фигурок. Теми наигрались — скольких мы знаем хрестоматийных юродов революции? — а этими еще нет.

Роман поразительной амбивалентности: ему удастся быть серьезным, многофункциональным, раскидистым — и в то же время детским, сотканным из прибрежных сновидений. Опыт эскапизма перемежается реконструкцией, попыткой проследить алгоритмы человеческой истории, развенчать круговорот жизней и смертей, осознать, к чему стремится каждое новое поколение, зачем оно поглощается убийством и вновь сбегает от греха.

Попытку вернуть современной литературе прежнюю всеобъемлющую оптику нельзя назвать удачной — скорее, Самсонов призывает революционный *Zeitgeist*, разговаривает с ним лицом к лицу, избегая посредников, пожимая руку далекой эпохе.

Что же остается читателю?

Ему дарована панорама известных событий — и попытка взглянуть на них под «воскрешенным» углом революционной романистики. Самсонов предлагает увлекательное путешествие в эпоху иных людей, схожих с нынешними лишь отдаленно. Отыскивая в захудалых пейзажах войны энергию света и непокоя — ту, что позволяет миру развиваться, идти вперед, пробивая мертвые, залежавшиеся плотины, — Самсонов сетует на невозможность примирить эту энергию с дистиллированным бытом современности. Побег «из спальни на Луну» оставляет невыносимое

чувство счастья и вместе с тем горечи — от осознания того, что большие люди и большие дела поглотились «пенной днью».

Это, разумеется, не исторический роман, а пространное размышление о возможностях человеческого подвига — безвременного, лишённого даты создания и срока годности, ценного по фанту самости, не упорядоченного, лиходейского. Прозаическая воля Сергея Самсонова устремляется далеко за пределы конвенциональных жанров — историческая романистика ему мала, а рассказ о днях сегодняшних отдаёт нафталином, беспечною вонью резины.

Нуда идти? О чём говорить?

Вестимо, истина отыщется в ещё не написанной книге — лучшем из того, что создаст прозаический гений Самсонова. Его стремление к мегаломании однажды сработает и на эту неустоявшуюся, пьяную действительность, полную глупых противоречий и кукольных столкновений. Разрешить проблему сиюминутности, заставить ускользающее время застыть, представ перед лицом вечности во всем своем идиотизме, — вот что предстоит Сергею Самсонову в его писательской борьбе. И речь здесь, разумеется, идет не о нарушении спокойствия, не о глянцево-бунтарстве, которым сыта любая эпоха, а о внутреннем юродстве, несогласии с волей ветра и попыткой проникнуть в сердцевину каждого из явлений.

Неясно, каким окажется главный роман Самсонова, но одно известно уже сейчас: его поиски продолжаются, и даже «Высокая кровь», ощущающаяся, правды ради, не лучшим экспериментом, говорит нам о величии самсоновских идеалов, которым тесно в уготованных декорациях истории. Остается, вероятно, немного — создать декорации собственные из поветрий грядущего. Мысль Сергея Самсонова не может остановиться и успокоиться, а это значит, что совсем скоро она натолкнется на величайший из айсбергов — и, быть может, проломит его, обнаружив тайные тропы — и ошеломительные ветра.

